

Пилипенко Игорь Валерьевич — директор Института конкурентоспособности и интеграции (НИИКИ), кандидат географических наук, магистр государственного администрирования (МРА).

Igor V. Pilipenko — Institute for Competitiveness and Integration (RICI).

Направления улучшения институциональной структуры Евразийского экономического союза

Созданный в 2014 г. Евразийский экономический союз (ЕАЭС, Союз), изначально пользующийся поддержкой большинства населения всех пяти государств — членов ЕАЭС (Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и России) [1], уже в первые пять лет своего существования столкнулся с замедлением темпов евразийской интеграции. По данным С.Ю. Глазьева, к 2016–2017 гг. в 20–25 раз возросли затраты на проработку решений Евразийской экономической комиссией (ЕЭК, Комиссия) и втрое замедлился процесс принятия решений по сравнению с действовавшей ранее Комиссией Таможенного союза; с 2017 на 2024 г. были перенесены сроки окончательного формирования единого экономического пространства [2, 3].

В последнем докладе Комиссии о реализации основных направлений интеграции в рамках ЕАЭС отмечалось, что «барьеры присутствуют

на внутреннем рынке Союза в том числе потому, что на практике существуют факты неисполнения государствами-членами актов Комиссии», а «выполнение задачи по сокращению изъятий и ограничений, регулярно озвучиваемой главами государств-членов, в настоящее время находится лишь на подготовительном этапе и частично включено в работу по совершенствованию положений Договора о Союзе» [4, с. 51–52]. Таким образом, можно сделать вывод о несовершенстве институциональной структуры ЕАЭС, которая не обеспечивает своевременное принятие и исполнение управленческих решений в текущих условиях [5]. При этом эффективное функционирование институтов Союза — залог не только углубления евразийской интеграции, но и успешной реализации более глобальных и крайне важных для России проектов, таких как, например, Большое евразийское партнерство [6, 7].

УДК 339.923:339.972:330.8

DOI: 10.33917/es-2.168.2020.102-111

В статье рассматриваются вопросы улучшения институциональной структуры Евразийского экономического союза (ЕАЭС) для обеспечения своевременного принятия и исполнения управленческих решений в интересах углубления евразийской интеграции. С использованием авторской методики и через призму теорий неофункционализма и интерговернментализма, разработанных применительно к Европейскому союзу, проведено сравнение структуры органов управления двух интеграционных объединений. Выдвинуты предложения о необходимости определиться с основным драйвером интеграции на данном этапе (Коллегия Евразийской экономической комиссии или государства — члены ЕАЭС), сократить количество уровней принятия решений в пределах текущей институциональной структуры ЕАЭС и четко разделить полномочия между оставшимися органами управления для исключения правовых коллизий в рамках ЕАЭС.

Ключевые слова

Евразийский экономический союз, Евразийская экономическая комиссия, государства — члены ЕАЭС, институциональная структура, Европейский союз, неофункционализм, интерговернментализм, интеграция.

Функционально интеграция на постсоветском пространстве пока достаточно поступательно следовала примеру формирования Европейского союза (ЕС) через зону свободной торговли, Таможенный союз и общий рынок согласно теории Бельи Балассы¹ [8]. И если российские ученые фундаментально разработали как ряд отраслевых вопросов интеграционной повестки [9, 10], так и общие вопросы позиционирования ЕАЭС в мире [11, 12], то четкого теоретического обоснования институциональной структуры ЕАЭС пока еще не было выработано [13, 14]. В данной статье мы сравним структуру управления и принятия решений в ЕАЭС и ЕС и выделим их характерные особенности. Далее через призму двух наиболее востребованных интеграционных теорий, которые были созданы применительно к Европейскому союзу, мы определим основные направления улучшения институциональной структуры ЕАЭС.

➤ Можно сделать вывод о несовершенстве институциональной структуры ЕАЭС, которая не обеспечивает своевременное принятие и исполнение управленческих решений в текущих условиях.

Используемая методика

Методика исследования обусловлена указанными выше недостатками в работе органов управления ЕАЭС. Для целей настоящей работы мы развиваем нашу методику исследования институциональной структуры экономики, разработанную для отдельных стран [15, 16], распространяя ее на Евразийский экономический союз. Под институциональной структурой ЕАЭС мы пони-

Towards an Enhanced Institutional Structure of the Eurasian Economic Union

This article considers how to enhance the institutional structure of the Eurasian Economic Union (EAEU) in order to enable timely decision-making and implementation of governance decisions in the interests of Eurasian integration deepening. We compare the governance structures of the EAEU and the European Union (EU) using the author's technique and through the lens of theories of neofunctionalism and intergovernmentalism elaborated with respect to the EU. We propose to determine a major driver of the integration process at this stage (the College of the Eurasian Economic Commission or the EAEU member states), to reduce the number of decision-making bodies within the current institutional structure of the EAEU, and to divide clearly authority and competence of remaining bodies to exclude legal controversies in the EAEU.

Keywords

Eurasian Economic Union, EAEU member states, institutional structure, European Union, neofunctionalism, intergovernmentalism, integration.

маем основные органы управления Союза, участвующие в законодательном процессе, а также возникающие связи/форматы взаимодействия между ними и государствами — членами Союза в процессе выполнения данными органами управления Союза своих функций.

Основными двумя теориями, чьи разработки мы будем использовать, являются теории неофункционализма и интерговернментализма, которым был посвящен ряд исследований в российской научной литературе в области юридических и политических наук [17–21] в связи с изучением закономерностей процессов интеграции в рамках Европейского союза. Вместе с тем, так как при создании ЕАЭС широко использовался опыт Евросоюза [22–24], эти теории также применимы и к евразийской интеграции. Мы не рассматриваем смежную с ними федералистскую теорию [25] ввиду того, что в рамках ЕАЭС не предусмотрена политическая интеграция, а также теорию коммуникаций [26], так как вопросы безопасности находятся вне сферы компетенции Союза. Мы также не рассматриваем в данной работе концепцию многоуровневого управления, предложенную для ЕС [27], из-за отсутствия в ЕАЭС программ по развитию регионов стран — участниц Союза.

Теория функционализма, разработанная Дэвидом Митрани в середине 1940-х годов, предполагает объединение государств на основе общих практических, отраслевых интересов (например, железные дороги, морское и авиационное сообщение, осуществление вещания и т.п.). При этом подходе особое внимание уделялось международным специализированным организациям и агентствам, которые должны были координировать свою работу между собой [28]. Идеи о необходимости создания единого наднационального (федерального) органа, который сам мог бы продвигать интеграционную повестку и координировать процесс интеграции европейских государств, и о том, что успехи в интеграции в одной сфере ведут к интеграции в других смежных сферах (эффект «перелива» — от англ. *spillover*), представили в своих работах Эрнст Хаас и Леон Линдберг [29, 30] в рамках теории неофункционализма. На практике данные идеи были воплощены в первую очередь Жаном Монне и Вальтером Хальштейном [31], которые в значительной степени способствовали созданию Европейского объединения угля и стали в 1951 г.

Вторая используемая нами парадигма теории интерговернментализма (от англ. *intergovern-*

mentalism — межправительственный подход), разработанная Стэнли Хоффманом в 1960-х годах и Эндрю Моравчиком в 1990-х годах [32, 33], наоборот, отдает приоритет в продвижении интеграции государствам — участникам интеграционного объединения. Так, С. Хоффман предлагал начинать интеграцию с наиболее простых экономических вопросов (*low politics*), тогда как решение более глобальных вопросов (высокая политика — *high politics*) затрагивало национальный суверенитет и могло препятствовать интеграционным процессам. Соответственно, предполагалось, что интеграция будет успешной в случае, если положительные результаты ее осуществления будут очевидны всем странам-участницам.

В рамках концепции «либерального интерговернментализма» Э. Моравчик подчеркивал, что действия правительств стран ограничиваются или, наоборот, движимы интересами местных лоббистов/групп интересов. Соответственно, для достижения успеха в интеграционном процессе правительствам стран-участниц необходимо обозначить свои интересы (сформировать спрос на интеграционную повестку) и путем взаимных уступок и договоренностей в процессе межправительственных переговоров (формирование предложения в рамках ограничений внутри интеграционного объединения) добиться их достижения. В реальности в институциональной структуре Евросоюза реализованы подходы как из теории неофункционализма (создание Еврокомиссии и ее ключевая роль в разработке и подписании Единого европейского акта в 1986 г. и Маастрихтского договора в 1992 г.), так и из теории интерговернментализма (порядок работы Совета Европейского союза (Совета министров)).

Сравнение институциональной структуры ЕС и ЕАЭС

Если сравнить институциональную структуру ЕС и ЕАЭС (рис. 1), то формально можно прийти к выводу о наличии одинакового количества основных управляющих органов — четыре в ЕС (Европейский совет, Европарламент, Совет ЕС и Европейская комиссия) и четыре в ЕАЭС (Высший Евразийский экономический совет в составе глав государств² — ВЕЭС, Евразийский межправительственный совет в составе глав правительств — Межправсовет, а также Совет ЕЭК в составе профильных вице-премьеров и Коллегия ЕЭК, где каждая из пяти стран назначает двух Членов Коллегии (Министров)).

Однако, во-первых, в состав Евросоюза в настоящее время входит 28 государств-членов,

а в ЕАЭС — пока только пять участников. Во-вторых, в реальности в законодательном процессе в ЕС принимают участие только три органа — Европарламент, Совет ЕС и Европейская комиссия, тогда как Европейский совет в составе глав государств был формально образован только в 2009 г. (неформальные встречи проходили с 1975 г.) для решения основных политических вопросов Евросоюза (без участия в подготовке и принятии законодательных актов).

В-третьих, из указанных трех органов управления один — Европарламент — является выборным (избирается с 1979 г.), тогда как в институциональной структуре ЕАЭС парламентский элемент пока вообще отсутствует ввиду договоренностей между странами — учредителями Союза о консервации такого формата взаимодействия [34]. Это отличает ЕАЭС даже от предшествующего ему Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), где действовала межпарламентская ассамблея.

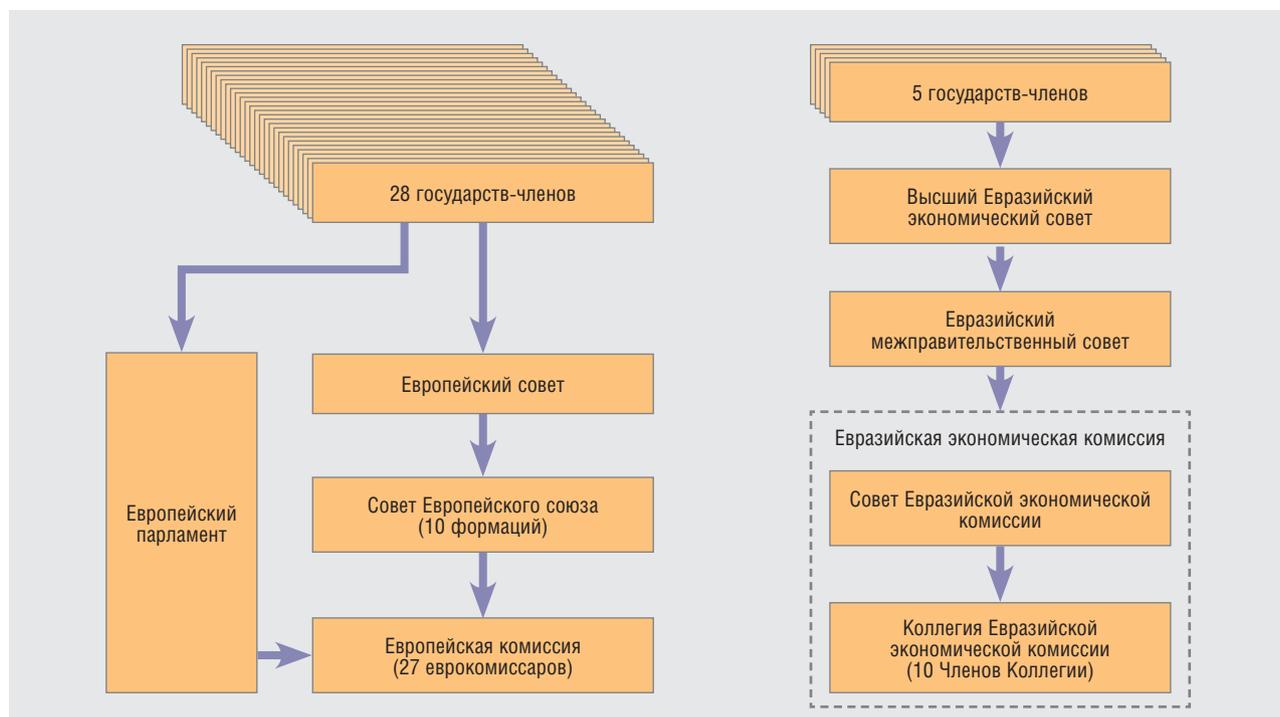
В-четвертых, между тремя указанными органами управления Евросоюза имеется четкое разделение полномочий. Так, право законодательной инициативы принадлежит исключительно Европейской комиссии в составе 27 еврокомиссаров

(по одному от каждого государства — члена ЕС, кроме Великобритании, осуществляющей процесс выхода из Евросоюза)³. Основным законодательным органом (и единственным до наделения Европейского парламента такой же функцией согласно Маастрихтскому договору 1992 г.) являлся Совет Европейских сообществ, ныне Совет Европейского союза, представляющий собой Совет министров в десяти различных формациях (конфигурациях) по сферам ответственности профильных министерств⁴. Полномочия Европарламента в законодательной деятельности расширились постепенно, и с момента вступления в силу Лиссабонского договора 2009 г. они распространились почти на всю сферу компетенции Совета ЕС.

Таким образом, с 2009 г. в Евросоюзе существует два законодательных органа — Европарламент, представляющий граждан стран ЕС, и Совет ЕС, представляющий правительства государств — членов Евросоюза, которые принимают законодательные акты в рамках процедуры совместного решения (*co-decision*), а также имеют право на внесение изменений или наложение вето на представленные Еврокомиссией законопроекты. Основными законодательными актами

Рисунок 1

Сравнение институциональной структуры Европейского союза (на декабрь 2019 г.) и Евразийского экономического союза

Источник: составлено автором на основе данных [37–39]

➤ Очевидна перегруженность институциональной структуры ЕАЭС в составе пяти стран четырьмя законодательными органами.

в ЕС являются постановления или регламенты (*regulation*) — инструменты прямого действия, которые обязательны для исполнения на всей территории ЕС; директивы, вводящиеся в действие через право стран Евросоюза, а также решения (*decisions*), являющиеся обязательными для отдельных государств или лиц, которых они касаются. При этом Совет ЕС может делегировать Еврокомиссии право принимать решения по определенным вопросам. Еще два типа документов — рекомендации, публикуемые, например, Еврокомиссией, и мнения (их может публиковать Европарламент, Совет ЕС и Еврокомиссия) обязательной силы не имеют [35].

В ЕАЭС в соответствии с Договором о Союзе 2014 г. сложилась ситуация, когда все четыре органа управления ЕАЭС принимают законодательные акты — решения и распоряжения⁵, причем ВЕЭС, Межправсовет и Совет ЕЭК должны утверждать документы исключительно консенсусом. Все решения и распоряжения указанных органов составляют право ЕАЭС и обязательны для исполнения на территории Союза⁶, однако каждый вышестоящий орган управления может отменить акт нижестоящего органа, что приводит к перекладыванию ответственности на вышестоящий орган или задействованию стран-участницами права вето вместо того, чтобы договориться о внесении приемлемых изменений в законопроект в рабочем порядке. Такой тройной фильтр при принятии управленческих решений был предусмотрен, очевидно, для минимизации последствий решений Коллегией ЕЭК, с которыми может быть не согласна одна из стран — участниц ЕАЭС [36].

В подтверждение этого по итогам первых лет интеграции в рамках ЕАЭС сама Комиссия ЕЭК выделила следующие релевантные проблемы в институциональной структуре Союза [4, с. 150–151].

Во-первых, это перегруженность повестки Совета ЕЭК, так как с начала работы ЕАЭС в 2015 г. между Коллегией и Советом Комиссии произошло существенное перераспределение вопросов в пользу последнего (число вопросов в сфере компетенции Совета ЕЭК увеличилось с 24 до 135, а количество вопросов, относящих-

ся к компетенции Коллегии, значительно уменьшилось).

Во-вторых, необходимость принятия Коллегией ЕЭК решений по многим вопросам также консенсусом замедляла процедурный процесс и приводила к переносу их рассмотрения на уровень Совета ЕЭК. В результате в повестке заседаний Совета Комиссии оказывалось в среднем более 40 вопросов, которые представители стран Союза не могли рассмотреть в отведенное время, и их рассмотрение часто переносилось на следующее заседание, затягивая процесс принятия решения.

В-третьих, наличие такой практики, как непосещение обоими членами Коллегии (министрами) от некоторых государств — членом ЕАЭС заседаний Коллегии, приводило к отмене заседаний из-за отсутствия кворума⁷, а также к сдвигу вправо сроков рассмотрения насущных для углубления интеграции вопросов.

Таким образом, если сопоставить глубину интеграции в рамках ЕАЭС в настоящее время с соответствующим уровнем интеграции в ЕС, то это соответствует концу 1980-х — началу 1990-х годов, когда на 12 стран Евросоюза приходился один орган с правом законодательной инициативы — Еврокомиссия и только один законодательный орган — Совет ЕС. И при таком сравнении становится очевидной перегруженность институциональной структуры ЕАЭС в составе пяти стран четырьмя законодательными органами, тем более что существующая вертикальная структура управления не способствует ускорению процесса принятия управленческих решений.

Предложения по улучшению институциональной структуры ЕАЭС

Для решения вышеуказанных проблем можно предложить следующее. Во-первых, необходимо исключить орган, имеющий наименьшие полномочия в структуре управления Союза, — это Межправсовет, к сфере компетенций которого согласно Договору о ЕАЭС отнесено 10 полномочий (для сравнения — у ВЕЭС список полномочий насчитывает 23 пункта). При этом четыре из десяти полномочий касаются разрешения вопросов, которые не были решены на уровне Совета или Коллегии Комиссии, а остальные могут быть отнесены к сфере компетенции ВЕЭС (обеспечение реализации и контроля за исполнением Договора о ЕАЭС и международных договоров в рамках Союза) или добавлены в список полномочий Совета ЕЭК (например, одобрение

проектов бюджета Союза, Положения о бюджете ЕАЭС и отчетов об исполнении бюджета Союза; утверждение порядка проверки достоверности и полноты сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера членов Коллегии Комиссии и должностных лиц ЕЭК и т.п.) [37].

Во-вторых, если оптимизировать институциональную структуру ЕАЭС согласно теории (нео)функционализма и интерговернментализма, то необходимо исключить правовые коллизии, при которых решения Коллегии Комиссии, обязательные для исполнения на территории ЕАЭС, могут отменяться по инициативе отдельных государств — членов Союза⁸. Это может быть достигнуто двумя способами.

Первый, наиболее эффективный в текущих условиях способ, соответствующий теории интерговернментализма, — отозвать у Коллегии ЕЭК право принимать нормативные правовые акты, наделив таким правом исключительно Совет ЕЭК по принципу «кто принимает решения, тот их и реализует», но закрепить за Коллегией ЕЭК право законодательной инициативы по примеру Евросоюза. Тем самым Коллегия Комиссии, исходя из своих полномочий, должна

а отменить их можно было бы исключительно через Суд ЕАЭС. В данном случае решения Коллегии ЕЭК должны иметь юридическую силу, аналогичную постановлениям (регламентам) ЕС.

Однако при реализации этого предложения сначала необходимо добиться, чтобы члены Коллегии согласно ст. 34 Положения о ЕЭК (Приложение № 1 к Договору о ЕАЭС) при осуществлении своих полномочий действительно были независимы от государственных органов и должностных лиц государств-членов и не запрашивали или не получали указания от органов власти стран — участниц Союза. Также из-за несовершенства текущей институциональной структуры вместо того, чтобы укреплять лидерство и инициативу Коллегии Комиссии в продвижении интеграционной повестки, часть текущей работы по развитию зон свободной торговли (ЗСТ) с третьими странами перекладывается Коллегией ЕЭК на плечи правительств государств-членов⁹. В соответствии же с Договором о ЕАЭС должно быть ровно наоборот — Коллегия ЕЭК, которой государства — члены Союза передали свои полномочия в части таможенно-тарифного регулирования, должна вести переговоры с третьими странами о заключении соглашений о ЗСТ.

➤ Необходимо исключить правовые коллизии, при которых решения Коллегии Комиссии, которые обязательны для исполнения на территории ЕАЭС, могут отменяться по инициативе отдельных государств — членов Союза.

будет более активно продвигать законопроекты по углублению интеграции и добиваться их согласования у государств-членов, так как руководство Коллегии ЕЭК отвечает перед главами государств — участников Союза за развитие интеграционной повестки, а правительства пяти стран в лице Совета ЕЭК будут иметь меньше оснований для отмены своих же решений.

Второй способ, соответствующий теории (нео)функционализма и объективно менее вероятный в текущих условиях: необходимо убрать существующие «фильтры» при принятии решений. Иначе говоря, нужно исключить из Договора о ЕАЭС положения о возможности отмены решений Коллегии ЕЭК вышестоящими органами (Советом ЕЭК и Межправсоветом) с тем, чтобы такие решения действительно были обязательны для исполнения на территории Союза,

В-третьих, для ускорения процесса принятия решений Советом ЕЭК и разгрузки его повестки необходимо более четко структурировать подготовительную работу, в первую очередь в рамках 22 консультативных комитетов ЕЭК по сферам компетенции Комиссии, включающих представителей профильных министерств и ведомств пяти стран, потенциал которых в текущей институциональной структуре Союза задействован далеко не полностью [15]. С нашей точки зрения, необходимо модифицировать консультативные комитеты ЕЭК в органы, готовящие решения Совета ЕЭК с тем, чтобы согласование позиций государств-членов проходило именно в рамках комитетов, а Совет ЕЭК только утверждал бы готовые решения. Минимизация дискуссий позволила бы Совету Комиссии принимать необходимое число решений в условиях перенасыщенной повестки заседаний.

➤ Необходимо освободить Высший Евразийский экономический совет от обсуждения рабочих (и зачастую конфликтных) хозяйственных вопросов и сосредоточить внимание глав государств на позитивной стратегической повестке.

Одним из вариантов разгрузки повестки Совета ЕЭК является его реформатирование в Совет министров по примеру Совета ЕС, который мог бы собираться в составе профильных министров стран — участниц Союза по сферам компетенции ЕАЭС (макроэкономика и финансовая политика, техническое регулирование, таможенное сотрудничество, промышленная политика и политика в области агропромышленного комплекса и т.д.). Делегирование правительствами полномочий профильным министрам по представлению позиции стран по определенному спектру вопросов давно и успешно осуществляется в рамках, например, международных финансовых организаций, таких как Международный валютный фонд, Всемирный банк или Европейский банк реконструкции и развития (советы управляющих, выполняющих по факту функции собрания акционеров), а также в Евразийском банке развития (Совет банка). Минусом данного подхода является увеличение административной нагрузки на ЕЭК из-за необходимости проведения большего числа заседаний профильных министров. Однако это должно компенсироваться улучшением качества нормотворческого процесса, так как в данном случае министры будут нести персональную ответственность за принятые ими решения. Кроме того, с учетом развития современных средств связи административные вопросы по организации таких встреч Совета министров могут быть вполне успешно решены.

В-четвертых, представляется необходимым освободить Высший Евразийский экономический совет от обсуждения рабочих (и зачастую конфликтных) хозяйственных вопросов и сосредоточить внимание глав государств на позитивной стратегической повестке. Это также больше соответствовало бы самой концепции создания ЕАЭС, который был основан для решения в первую очередь прагматичных вопросов экономической интеграции, что скорее соответствует полномочиям Совета ЕЭК или возможного Совета министров ЕАЭС, но никак не ВЕЭС. Принятие главами государств Союза совместных деклараций или заявлений по актуальным вопросам мирового экономического развития в совокупности с эффективной деятельностью органов на рабо-

чем уровне помогло бы постепенно поднять авторитет ЕАЭС в мире и внести вклад в реализацию наиболее перспективного для ЕАЭС сценария развития — превращение Союза в «собственный центр силы» в мировой экономике [40].

Таким образом, рассмотренные в данной работе направления улучшения институциональной структуры ЕАЭС — определение основного драйвера интеграции на данном этапе (Коллегия ЕЭК или государства — члены Союза), сокращение уровней принятия решений в рамках текущей институциональной структуры ЕАЭС и четкое разделение полномочий между оставшимися органами управления для исключения правовых коллизий — в случае их системной реализации могут способствовать ускорению темпов интеграции, улучшению взаимопонимания между-государствами — членами ЕАЭС и успеху всего Евразийского интеграционного проекта.

□

ПЭС 19137 / 22.12.2019

Примечания

1. Согласно теории Белы Балассы, интеграция осуществляется в пять этапов: зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический и валютный союз, политический союз. Соответственно, страны — участницы ЕАЭС находятся в настоящее время на третьем этапе интеграции и собираются реализовывать мероприятия по переходу к четвертому этапу.

2. Согласно ст. 10 Договора о ЕАЭС, в состав ВЕЭС могут входить главы правительств государств-членов, если в соответствии с законодательством своего государства они наделены полномочиями принимать решения по вопросам из сферы компетенции ВЕЭС. Соответственно, если от Белоруссии, Казахстана, Киргизии и России в заседаниях ВЕЭС принимают участие президенты стран, то от Армении — премьер-министр, так как Республика Армения является единственной парламентской республикой из пяти стран — участниц ЕАЭС (Белоруссия и Казахстан — президентские республики, а Киргизия и Россия — смешанные республики).

3. Это не исключает возможности инициирования законопроектов отдельными государствами — членами ЕС через Совет ЕС или через Европарламент, однако для запуска законодательной процедуры они должны заручиться поддержкой Еврокомиссии, которая в любом случае будет вести этот процесс с начала и до утверждения законодательного акта.

4. Формации (конфигурации) Совета Евросоюза: (1) экономические и финансовые вопросы (Экофин), (2) сельское хозяйство и рыболовство (Агрифиш), (3) конкурентоспособность (КОМПЕТ), (4) общие вопросы, (5) внешнеполитические вопросы, (6) окружающая среда, (7) занятость, социальная политика, здравоохранение и права потребителей, (8) образование, молодежь, культура и спорт, (9) юстиция и внутренние дела, (10) транспорт, телекоммуникации и энергетика [39].

5. Совет и Коллегия ЕЭК также принимают рекомендации.

6. Согласно ст. 6 Договора о ЕАЭС, решения ВЕЭС и Межправсовета подлежат исполнению государствами — членами Союза в порядке, предусмотренном их национальным законодательством.

7. Согласно ст. 58 Регламента работы ЕЭК, заседание Коллегии может проводиться только в случае присутствия как минимум одного члена Коллегии от каждой страны — участницы ЕАЭС.

8. Например, в течение 2012–2018 гг. для защиты внутреннего рынка и местных товаропроизводителей Российская Федерация накладывала вето на решения Коллегии ЕЭК три раза, а Белоруссия и Казахстан — по два раза [4, с. 149–150].

9. Например, подготовка соглашений о ЗСТ с Ираном, Сингапуром и Израилем была отдана Коллегией Комиссии на откуп соответственно Армении, России и Казахстану [41], что фактически противоречит функции ЕЭК как органа в ЕАЭС, ответственного за таможенно-тарифную политику и установление торговых режимов в отношении третьих сторон.

Источники

1. Задорин И.В., Алмакаева А.М., Бабич Н.С. и др. Интеграционный барометр ЕАБР – 2014 / И.В. Задорин, А.М. Алмакаева, Н.С. Бабич, Д.В. Мальцева, В.В. Мойсов, Е.В. Халкина, Л.В. Шубина / Рук. проекта В.С. Перебоев. М., 2014. 126 с.

2. Глазьев С.Ю. Евразийский союз: расширение рубежей // Научные труды Вольного экономического общества России. 2016. № 5. С. 99–106.

3. Глазьев С.Ю. Построить конкурентоспособный экономический союз // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2017. № 1(21). С. 5–7.

4. Доклад о реализации основных направлений интеграции в рамках Евразийского экономического союза / Евразийская экономическая комиссия. М., 2018. 154 с.

5. Пилипенко И.В. Евразийский экономический союз: quo vadis? // Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. № 1. С. 4–44.

6. Агеев А.И., Логинов Е.Л., Борталевич С.И. Большое евразийское партнерство: проект, встречный Транстихоокеанскому партнерству // Экономические стратегии. 2016. № 6(140). С. 20–31.

7. Глазьев С.Ю. Концептуальные предложения по практической реализации идеи Большого евразийского партнерства // Экономические стратегии. 2019. № 1(159). С. 6–17.

8. Balassa B. The Theory of Economic Integration. Homewood, IL: Richard D. Irwin, Inc., 1961. 308 p.

9. Агеев А.И., Логинов Е.Л., Райков А.Н. Формирование общего рынка нефти и нефтепродуктов ЕАЭС: фундамент со-

юзного островка стабильности в бушующем мировом океане глобальных спекуляций // Экономические стратегии. 2015. № 5–6. С. 8–21.

10. Агеев А.И., Логинов Е.Л. Институциональные механизмы снижения мультифакторных рисков для валютно-финансовой системы России и ЕАЭС в условиях нелинейной экономической динамики. М.: Институт экономических стратегий, 2017. 104 с.

11. Алексеев Е.С. ЕАЭС к 2025 г.: приоритеты и ожидания государств-членов // Перспективы развития проекта ЕАЭС к 2025 году. Рабочая тетрадь. Спецвыпуск-2017 / Под ред. И.С. Иванова; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2017. 92 с.

12. Буторина О.В., Захаров А.В. О научной основе Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая интеграция. 2015. № 2. С. 52–68.

13. Ушкалова Д.И. К вопросу о применимости существующих теорий экономической интеграции к взаимодействию России со странами «пояса соседства» // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2013. № 5. С. 150–160.

14. Головин М.Ю., Захаров А.В., Ушкалова Д.И. Экономическая интеграция: уроки для постсоветского пространства // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 4. С. 61–69.

15. Пилипенко И.В. Влияние Евразийской интеграции на институциональную структуру экономики России // Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. № 2. С. 3–45.

16. Переход к рыночной экономике и структурные реформы в государствах — членах Евразийского экономического союза / Под ред. И.В. Пилипенко. СПб.: Научное издание, 2019. 976 с.

17. Юмашев Ю.М. Европейская идея и ее развитие от «христианской республики» до Европейского союза // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2015. № 3. С. 5–46.

18. Стрежнева М.В. Теории европейской интеграции // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2009. № 1. С. 28–45.

19. Кочева Е.Э. Неофункционализм и материальная логика в теории европейской интеграции Вальтера Хальштейна // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 3(15). С. 131–137.

20. Ланцов С.А. Теоретические концепции международной интеграции и перспективы интеграционных процессов на постсоветском пространстве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2013. № 2. С. 65–74.

21. Арбатова Н.К. Посткризисные модели европейской интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 11. С. 21–26.

22. Мансуров Т.А. Методологические и институциональные основы экономической интеграции стран ЕвразЭС: дисс. ... д-ра экон. наук: 08.00.14 / Мансуров Таир Аймухаметович. М., 2012. 435 с.

23. Кондратьева Н.Б. Евразийский экономический союз: достижения и перспективы // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. № 6. С. 15–23.

24. Афонцев С.А. Интеграционные дилеммы Единого экономического пространства // *Вестник МГИМО-Университета*. 2012. № 6(27). С. 117–121.

25. Spinelli A., Rossi E. The Manifesto of Ventotene (1941) [Электронный ресурс] // *Ventotene: The Altiero Spinelli Institute for Federalist Studies*, 1941. P. 75–96. URL: https://www.cvce.eu/content/publication/1997/10/13/316aa96c-e7ff-4b9e-b43a-958e96afbecc/publishable_en.pdf.

26. Deutsch K.W. The nerves of the government: models of political communication and control. New York: Free Press, 1963, 316 p.

27. Marks G. Structural Policy and Multilevel Governance in the EC // *The State of the European Community / Edited by A. Cafruny and G. Rosenthal*. Boulder, CO: Lynne Rienner, 1993. P. 391–411.

28. Mitrany D. A Working Peace System. An Argument for the Functional Development of International Organization. New York, Toronto, Bombay, Melbourne, Cape Town: Oxford University Press, 1943. 54 p.

29. Haas E.B. The Uniting of Europe. Political, Social, and Economic Forces. 1950–1957. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1958. 552 p.

30. Lindberg L.N. The Political Dynamics of European Economic Integration. Stanford University Press, 1963. 367 p.

31. Hallstein W. Der unvollendete Bundesstaat. Europäische Erfahrungen und Erkenntnisse. Düsseldorf, Vienna: Econ-Verlag, 1969. 283 p.

32. Hoffmann S. Obstinate or Obsolete? The Fate of the Nation-State and the Case of Western Europe // *Daedalus*. Vol. 95. N 3, Tradition and Change (Summer, 1966). P. 862–891.

References

- Zadorin I.V., Almakaeva A.M., Babich N.S., et al. *Integratsionnyi barometr EABR – 2014* [Integration Barometer – 2014]. Moscow, 2014, 126 p.
- Glaz'ev S.Yu. Evraziiskii soyuz: rasshirenie rubezhei [The Eurasian Union: Extending the Borders]. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, 2016, no 5, pp. 99–106.
- Glaz'ev S.Yu. Postroit' konkurentosposobnyi ekonomicheskii soyuz [To build a Competitive Economic Union]. *Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika*, 2017, no 1(21), pp. 5–7.
- Doklad o realizatsii osnovnykh napravlenii integratsii v ramkakh Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza* [Report on Realisation of Main Integration Directions within the Eurasian Economic Union]. *Evraziiskaya ekonomicheskaya komissiya*. Moscow, 2018, 154 p.
- Pilipenko I.V. Evraziiskii ekonomicheskii soyuz: quo vadis? [The Eurasian Economic Union: Quo Vadis?]. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*, 2019, no 1, pp. 4–44.
- Ageev A.I., Loginov E.L., Bortalevich S.I. Bol'shoy evraziiskoe partnerstvo: proekt, vstrechnyi Transtikhookeanskomu partnerstvu [Big Eurasian Partnership: Project, Counter to Trans-Pacific Partnership]. *Ekonomicheskii strategii*, 2016, no 6(140), pp. 20–31.
- Glaz'ev S.Yu. Kontseptual'nye predlozheniya po prakticheskoi realizatsii idei Bol'shogo evraziiskogo partnerstva [Conceptual Proposals for Practical Implementation of the Big Eurasian Partnership Idea]. *Ekonomicheskii strategii*, 2019, no 1(159), pp. 6–17.
- Balassa B. *The Theory of Economic Integration*. Homewood, IL: Richard D. Irwin, Inc., 1961. 308 p.
- Ageev A.I., Loginov E.L., Raikov A.N. Formirovanie obshchego rynka nefti i nefteproduktov EAES: fundament soyuznogo ostrovka stabil'nosti v bushuyushchem mirovom okeane global'nykh spekulyatsii [Formation of the Common EAEU Market of Oil and Oil products: the Basis of the Union Stability Island in a Stormy World Ocean of Global Speculations]. *Ekonomicheskii strategii*, 2015, no 5–6, pp. 8–21.
- Ageev A.I., Loginov E.L. *Institutsional'nye mekhanizmy snizheniya mul'tifaktornykh riskov dlya valyutno-finansovoi sistemy Rossii i EAES v usloviyakh nelineinoy ekonomicheskoi dinamiki* [Institutional Mechanisms of Decreasing Multifactor Risks for the Monetary Financial System of Russia and EAEU under Non-Linear Economic Dynamics]. Moscow, Institut ekonomicheskikh strategii, 2017, 104 p.
- Alekseenkova E.S. *EAES k 2025 g.: priority i ozhidaniya gosudarstv-chlenov* [EAEU by 2025: Priorities and Expectations of Member States]. *Perspektivy razvitiya proekta EAES k 2025 godu. Rabochaya tetrad'*. Spetsvypusk-2017. Moscow, NP RSMD, 2017, 92 p.
- Butorina O.V., Zakharov A.V. O nauchnoi osnove Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza [About the Academic Foundations of the Eurasian Economic Union]. *Evraziiskaya ekonomicheskaya integratsiya*, 2015, no 2, pp. 52–68.
- Ushkalova D.I. K voprosu o primenimosti sushchestvuyushchikh teorii ekonomicheskoi integratsii k vzaimodeistviyu Rossii so stranami "poyasa sosedstva" [To the Issue of Applicability of Existing Economic Integration Theories to the Interaction of Russia with "Neighborhood Belt" Countries]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk*, 2013, no 5, pp. 150–160.
- Golovnin M.Yu., Zakharov A.V., Ushkalova D.I. Ekonomicheskaya integratsiya: uroki dlya postsovetskogo prostranstva [Economic Integration: Lessons for the Post-Soviet Space]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2016, no 4, pp. 61–69.
- Pilipenko I.V. Vliyanie Evraziiskoi integratsii na institutsional'nuyu strukturu ekonomiki Rossii [The Impact of Eurasian Integration on the Institutional Structure of the Economy of Russia]. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*, 2019, no 2, pp. 3–45.
- Perekhod k rynochnoi ekonomike i strukturnye reformy v gosudarstvakh — chlenakh Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza* [The Transition to a Market Economy and Structural Reforms in the Eurasian Economic Union Member States]. Pod red. I.V. Pilipenko. Saint Petersburg, Naukoemkie tekhnologii, 2019, 976 p.
- Yumashev Yu.M. Evropeiskaya ideya i ee razvitie ot "khristianskoi respublikii" do Evropeiskogo soyuza [The European Idea and its Evolution from a "Christian Republic" to the European Union]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk*, 2015, no 3, pp. 5–46.
- Strezhneva M.V. Teorii evropeiskoi integratsii [Theories of European Integration]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika, 2009, no 1, pp. 28–45.
- Kocheva E.E. Neofunktionalizm i material'naya logika v teorii evropeiskoi integratsii Va'tera Khal'shteina [Neofunctionalism and Material Logic in the Theory of European Integration of Walter Hallstein]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2011, no 3(15), pp. 131–137.

33. Moravcsik A. Preferences and Power in the European Community: A Liberal Intergovernmentalist Approach // *Journal of Common Market Studies*. Vol. 31. Is. 4. 1993, December. P. 473–524.
34. Лихачев В.Н. Интеграция и закон. ЕАЭС нужна нормативная компонента [Электронный ресурс] // Российская газета. 2014, 24 декабря. URL: <https://rg.ru/2014/12/23/lihachev-site.html>.
35. Regulations, Directives and other acts [Электронный ресурс] // EU Law, An official website of the European Union. URL: https://europa.eu/european-union/eu-law/legal-acts_en.
36. Байльдинов Е.Т. Договор о Евразийском экономическом союзе: как оправдать надежды? // *Общество и экономика*. 2014. № 9. С. 5–21.
37. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.) (в ред. от 15 марта 2018 г.). [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/3d7cf1fc8ba8f53c26f38638d9553751efeac7f1/.
38. Consolidated Version of the Treaty on European Union // *Official Journal of the European Union*. 2012, October, 26. P. c326/13-c326/45.
39. Comments on the Council's Rules of Procedure. European Council's and Council's Rules of Procedure. General Secretariat of the Council, Brussel: EU, 2016. 117 p.
40. Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 года / Евразийская экономическая комиссия. М.: ЕЭК, 2015. 69 с.
41. Материалы Plenарного заседания XIV международной конференции «Евразийская экономическая интеграция». Евразийский банк развития. Москва, 29 ноября 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://eabr.org/press/conference/xiv-mezhdunarodnoy-konferentsii-evraziyskaya-ekonomicheskaya-integratsiya/#tab-2>.
20. Lantsov S.A. Teoreticheskie kontseptsii mezhdunarodnoi integratsii i perspektivy integratsionnykh protsessov na postsovetskom prostranstve [Theoretical Concepts of International Integration and Perspectives of Integration Processes in the Post-Soviet Space]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2013, no 2, pp. 65–74.
21. Arbatova N.K. Postkrisisnye modeli evropeiskoi integratsii [Postcrisis Models of European Integration]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2014, no 11, pp. 21–26.
22. Mansurov T.A. *Metodologicheskie i institutsional'nye osnovy ekonomicheskoi integratsii stran EvrAzES* [Methodological and Institutional Foundations of Economic Integration of the EurAsEC countries]: diss. ... d-ra ekon. nauk: 08.00.14 / Mansurov Tair Aimukhametovich. Moscow, 2012. 435 p.
23. Kondrat'eva N.B. Evraziiskii ekonomicheskii soyuz: dostizheniya i perspektivy [The Eurasian Economic Union: Achievements and Perspectives]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2016, no 6, pp. 15–23.
24. Afontsev S.A. Integratsionnye dilemmy Edinogo ekonomicheskogo prostranstva [Integration Dilemmas of the Single Economic Space]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2012, no 6(27), pp. 117–121.
25. Spinelli A., Rossi E. *The Manifesto of Ventotene (1941)*. Ventotene: The Altiero Spinelli Institute for Federalist Studies, 1941, pp. 75–96, available at: https://www.cvce.eu/content/publication/1997/10/13/316aa96c-e7ff-4b9e-b43a-958e96afbecc/publishable_en.pdf.
26. Deutsch K.W. *The nerves of the government: models of political communication and control*. New York: Free Press, 1963. 316 p.
27. Marks G. *Structural Policy and Multilevel Governance in the EC*. The State of the European Community / Edited by A. Cafruny and G. Rosenthal. Boulder, CO: Lynne Rienner, 1993, pp. 391–411.
28. Mitrany D. *A Working Peace System. An Argument for the Functional Development of International Organization*. New York, Toronto, Bombay, Melbourne, Cape Town: Oxford University Press, 1943, 54 p.
29. Haas E.B. *The Uniting of Europe. Political, Social, and Economic Forces. 1950–1957*. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1958, 552 p.
30. Lindberg L.N. *The Political Dynamics of European Economic Integration*. Stanford University Press, 1963, 367 p.
31. Hallstein W. *Der unvollendete Bundesstaat. Europäische Erfahrungen und Erkenntnisse*. Düsseldorf, Vienna: Econ-Verlag, 1969. 283 p.
32. Hoffmann S. Obstinate or Obsolete? The Fate of the Nation-State and the Case of Western Europe. *Daedalus*, vol. 95, no 3, Tradition and Change (Summer, 1966), pp. 862–891.
33. Moravcsik A. Preferences and Power in the European Community: A Liberal Intergovernmentalist Approach. *Journal of Common Market Studies*, vol. 31, is. 4. 1993, December, pp. 473–524.
34. Likhachev V.N. *Integratsiya i zakon. EAES nuzhna normativnaya komponenta* [Integration and Law. The EAEU Needs a Normative Component]. Rossiiskaya gazeta, 2014, December, 24, available at: <https://rg.ru/2014/12/23/lihachev-site.html>.
35. *Regulations, Directives and other acts*. EU Law, An official website of the European Union, available at: https://europa.eu/european-union/eu-law/legal-acts_en.
36. Bail'dinov E.T. Dogovor o Evraziiskom ekonomicheskome soyuze: kak opravdat' nadezhdy? [The Treaty on the Eurasian Economic Union: How to Meet Expectations?]. *Obshchestvo i ekonomika*, 2014, no 9, pp. 5–21.
37. Dogovor o Evraziiskom ekonomicheskome soyuze (podpisan v g. Astane 29 maya 2014 g.) (v red. ot 15 marta 2018 g.). [Treaty on the Eurasian Economic Union. (Signed in Astana 29.05.2014) (amendments as of 15.03.2018)], available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/3d7cf1fc8ba8f53c26f38638d9553751efeac7f1/.
38. Consolidated Version of the Treaty on European Union. *Official Journal of the European Union*, 2012, October, 26, pp. c326/13-c326/45.
39. *Comments on the Council's Rules of Procedure*. European Council's and Council's Rules of Procedure. General Secretariat of the Council, Brussel: EU, 2016, 117 p.
40. *Osnovnye napravleniya ekonomicheskogo razvitiya EAES do 2030 goda* [Main Directions of Economic Development of the EAEU till 2030]. Evraziiskaya ekonomicheskaya komissiya, Moscow, EEK, 2015, 69 p.
41. *Materialy Plenarnogo zasedaniya XIV mezhdunarodnoi konferentsii "Evraziiskaya ekonomicheskaya integratsiya"* [Materials of the Plenary Session of the 14th International Conference "Eurasian Economic Integration"]. Evraziiskii bank razvitiya. Moscow, 2019, November, 29, available at: <https://eabr.org/press/conference/xiv-mezhdunarodnoy-konferentsii-evraziyskaya-ekonomicheskaya-integratsiya/#tab-2>.